

СЕЛЬСКИЙ

УЧИТЕЛЬ

С ОЛНЦЕ СВЕТИТ в окно просторной комнаты. Оно словно застыло в небе, и стрелки на часах замерли. Самое тихое время в доме.

Сергей Александрович перебирал сложенную вчетверо газету, «Руки интеллигента», — подумалось невольно. Пауза затянулась.

— Вот пишут, что продовольственная корзина выросла, — заговорил бывший директор школы. — Подходим к черте бедности. Пенсия наша совсем не поспевает за ценами. Я прав, Катенька?

Сергей Александрович обернулся на жену Екатерину Порфирьевну, скромно присевшую в уголке на стуле. Та утвердительно прикрыла глаза.

— всю жизнь вы ребятам преподавали историю, а она вас как повернула, — попробовала я зацепиться словом.

Учитель растерянно посмотрел в мою сторону. Кажется, он не был готов к этой теме.

— История... Мы измеряем ее жизнью людей. А она отмечена не только радостями. Кто-то из ученых изобразил графически то, что прожито за семьдесят три года. Так вот, период, который был после октябрьского переворота, — это лишь шаг во времени.

— Вас это успокаивает?

— Отчасти. Хотя, если смотреть результат этого отрезка жизни...

Его рассуждения представляли какую-то смесь пессимизма и оптимизма. Чего было больше, трудно сказать. Он не мог не дать высокую оценку достижениям и победам своей страны, называя все это одним словом «польза». Но тут же спохватывался и замолкал. Историк не знал, что говорить, или просто не решался произнести вслух то, что копилось годами в мыслях...

Первые два года войны отслужил в строительной роте на Свердловской железной дороге. В 43-м по распоряжению командования молодого учителя отправили учительствовать в Талицкий район, что на краю с Тюменской областью.

— Тогда достаточно было одного слова, и судьба решена. Сам собой не распоряжался, ничего в жизни не рассчитывал. До 50-х годов никаких «хочу».

Через семь лет Сергея Александровича направляют работать в Кузино завучем школы рабочей молодежи. Потом — завуч семилетки. И, наконец, тринадцать лет директор средней школы.

— всю жизнь был солдатом. И в мирное время тоже. Выполнял то, что говорили. Но я думал, что будет коммунизм. Я жил на результат... Меня обманули.

Сергей Александрович пригладил волосы. Голос его звучал беспечно, разливаясь по тихой комнате звенящей дрожью.

— Слушал Конституционный суд по телевизору. Что нам пытаются доказать? Что партия не была руководящей силой? Ложь! Все делалось по указанию партии. Я принадлежал не себе, а партии.

И снова замолчал Сергей Александрович. Я боялась помешать, нарушить ход его мыслей. А он примеривал слова, как будто пытался доказать истинность сказанного.

— Чувство досады берет. Я верил, я доверял... всю жизнь ставил перед собой цель воспитать и обучить людей достойных. Убеждал на примере Свердлова. Не слетало с уст имя Зои Космодемьянской, Матросова. А Щорса? Его вовсе не было? Выходит, мы были двуличными, затуманивали детям головы? И таким образом проводили воспитание всего подрастающего поколения. Вот чем дышало наше общество. Мы же человека втоптали, превратили ни во что.

Вспомнил Сергей Александрович 10 июня 1992 года, когда на двенадцатом километре дороги Свердловск — Первоуральск состоялось захоронение останков репрессированных. И Перевозовы были не случайными наблюдателями этого события. Среди захороненных был отец Екатерины Порфирьевны.

— И здесь не могу понять, где правда, — Сергей Александрович посмотрел на жену. За все время она не сказала почти ни одного слова. — Репрессирован был в 37 году, расстрелян в 38. Нам сказали, что его не стало в 43-м. В свидетельстве о смерти написано: в 42 году. Причина смерти — прочерк. Место захоронения — прочерк.

Мне невольно передалось его настроение. И чтобы как-то сгладить неловкость, спросила:

— Но в своих учеников вы верили?

— Еще как. У меня были отличные ученики. Есть среди них и медалисты. Я не испытывал чувства пустоты в общении с ними, так как нес знания и учил самим добывать их. Но, главное, учил мыслить.

Я распрощалась с Перевозовыми. Напоследок снова взглянула в лицо Сергея Александровича. Глаза его светились. Стало ли тебе легче, учитель истории? Лично мне — да. Я как будто поговорила со своим наставником, которого не видела десять лет.

На улице дул холодный ветер, пронизывал до костей, обжигал лицо. За мыслями я ничего не чувствовала. Из головы не выходили слова, сказанные напоследок моим собеседником:

— История все равно рассудит. Она вскроет правду. И не словами современников, а словами тех, кто будет после нас.

Все-таки он оптимист — Сергей Александрович Перевозов.

Е. КИЧКИРОВСКАЯ.